

- ² ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. № 42 760.
³ Там же. Собр. 3. Т. 4. № 2633.
⁴ Там же. Т. 2. № 834.
⁵ Там же. Т. 7. № 4286.
⁶ Там же. Т. 4. № 2633; Т. 7. № 4286.
⁷ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 1430. Л. 6.
⁸ ПСЗ. Собр. 2. Т. 8. № 6588.
⁹ Там же. Собр. 3. Т. 16. № 12 965.
¹⁰ Там же. Собр. 2. Т. 38. № 39 118; Т. 40. № 41 779.
¹¹ Там же. Собр. 3. Т. 18. № 15 601.
¹² Обзор Минской губернии за 1881 год: (Прил. к всеподданнейшему отчету минск. губернатора). Минск, 1882. С. 9–10.
¹³ Жучкевич В. А. Дороги и водные пути Белоруссии: Ист.-геогр. очерки. Минск, 1977. С. 18.
¹⁴ Экономика Белоруссии в эпоху империализма, 1900–1917. Минск, 1963. С. 210.
¹⁵ Там же. С. 195.
¹⁶ Башмакоў А. А. Мануфактурная вытворчасць і яе роля ў сацыяльна-эканамічным развіцці Беларусі, 1861–1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Мінск, 2009. Л. 50.
¹⁷ НИАБ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 4. Л. 10–12 об.; Д. 6. Л. 1–5.
¹⁸ Экономика Белоруссии в эпоху империализма... С. 23.

Ю. А. Беликов

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ КАК ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КУПЦА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в. (по материалам Харьковской губернии)

Право на занятие хозяйственной (торгово-промышленной) деятельностью с целью получения дохода издревле являлось главной привилегией купечества. Купеческий сословный статус напрямую зависел от ежегодной уплаты в казну торгово-промышленных налогов. Несмотря на то, что в пореформенный период определенная часть российского купечества ежегодно выкупала гильдейские свидетельства исключительно «для звания», а купеческие вдовы и дочери могли сохранять сословную принадлежность даже без платежа гильдейской подати, именно хозяйственная жизнь определяла все бытие типичного купца.

Предпринимательская деятельность купечества во второй половине XIX — начале XX в. охватывала широкий спектр отраслей экономики. Это был естественный процесс: сколотив капитал на одном поприще, предприниматель стремился вложить его в еще более прибыльное дело. Наиболее ярким примером в этом отношении являлся потомственный почетный гражданин и харьковский 1-й гильдии купец, коммерции советник А. К. Алчевский.

Начав предпринимательскую деятельность с бакалейной торговли, он разбогател, действуя в кредитно-финансовой сфере, а затем вложил средства в сахарную и горно-металлургическую промышленность. При этом являясь крупным землевладельцем, он не оставлял без внимания даже сельскохозяйственное производство¹.

Хозяйственная деятельность играла важную роль в формировании ценностных ориентиров, норм поведения и образа жизни купечества. Многие купцы жили только интересами своего предприятия. Некоторые из них находились на рабочем месте круглосуточно. Причем кровать в таком случае могла стоять прямо за прилавком². С другой стороны, купеческое предпринимательство имело характерные особенности, обусловленные социальной и индивидуальной психологией представителей этого общественного слоя, их специфической культурой и ментальностью.

Следует отметить, что помимо единоличного предпринимательства в пореформенный период набирали силу акционерно-паевые компании и торговые дома. Управленческие должности в крупных фирмах нередко приносили купцам значительную прибыль. Так, на рубеже XIX–XX вв. ежегодный доход купца Н. В. Орлова составлял около 77 тыс. руб. (в том числе жалование в различных компаниях — около 27 тыс. руб., доход от собственной агентурно-комиссионерской конторы — около 30 тыс. руб., проценты по банковским вкладам и дивиденды по акциям — до 20 тыс. руб.)³. Статус самостоятельного купца всегда указывал на материальную обеспеченность. Имущество «беднейших» из них оценивалось в несколько тысяч рублей, богачами считались обладатели капиталов, исчисляемых сотнями тысяч. Создавались провинциальными предпринимателями и просто сказочные состояния: наследство харьковского купца Н. Е. Серикова (ум. в 1898 г.) оценивалось до 1 млн. руб.⁴, общая стоимость имений сумского купца И. Г. Харитоненко (ум. в 1891 г.), унаследованных его сыном и вдовой, — почти в 5,7 млн. руб.⁵; состояние А. К. Алчевского «за два-три года до смерти» (ум. в 1901 г.) — около 12 млн. руб. Последний на рубеже XIX–XX вв. владел акциями и паями 21 компании (в трех из них являясь бессменным председателем правления и, как минимум, еще одну полностью контролируя через близких соратников), а также ценными бумагами государственных кредитных учреждений. Тем не менее, ворочая десятками миллионов рублей, свой род деятельности этот купец скромно определял как «частная служба», а на содержание своей семьи тратил ежегодно не более 12–15 тыс. руб. Более того, он редко носил при себе деньги: зачастую их не хватало даже на то, чтобы расплатиться с извозчиком, и платить приходилось швейцару. При этом в 1890-е гг. А. К. Алчевский неоднократно отказывался от выгодных предложений продать за наличные хотя бы часть своих компаний или предприятий, ставя превыше всего свою коммерческую деятельность и полностью отдаваясь интересам дела⁶.

Реформа торгово-промышленного налогообложения 1863/65 гг. упразднила обязанность купцов ежегодно заявлять сумму своего состояния. Тем не менее, выражение «объявить капитал» употреблялось и в дальнейшем. Именно капитал выделял купечество из других социальных слоев. Хотя купец не мог передать по наследству свою сословную принадлежность, он мог оставить своим детям свое имущество, свое дело, свои знания и свой образ мышления. Можно назвать целый ряд купеческих родов, которые на протяжении всего пореформенного периода играли важную роль в жизни Харьковской губернии, а порой и всей Российской империи: Харитоненко (Сумы, Москва)⁷, Жевержеевы (Изюм, Славянск, Харьков, Петербург)⁸, Рубинштейны (Полтава, Харьков), Ващенко, Велитченко⁹, Игнатищевы¹⁰, Рыжовы, Сериковы, Уткины (Харьков), Гурьевы (Золочев) и др.

Семейный характер купеческого предпринимательства прочно закрепился не только в традиции, но и в законодательстве. Кроме самостоятельных купцов, выкупавших гильдейское свидетельство на свое имя, купеческими сословными привилегиями могли пользоваться их ближайшие родственники (иногда до 20–30 душ). Члены купеческих семей, внесенные в гильдейский список, могли выполнять функции приказчиков на семейных предприятиях без платежа пошлин. Нередко такая семья, по сути, представляла собой целую фирму, в которой глава семьи являлся руководителем, а младшие члены исполняли функции служащих более низкого ранга.

Хозяйственная деятельность накладывала отпечаток и на сами семейные отношения. Многие купеческие сыновья женились в возрасте старше 30 лет, когда сколачивали собственный капитал. Во многих неразделенных купеческих семействах соблюдалась жесточайшая субординация. Так, взрослые неженатые сыновья харьковского купца Ф. И. Ширяева после определенного времени могли покидать дом только под большим секретом и не иначе, как через окно¹¹. Однако и брак не означал автоматическое появление нового купеческого семейства. Так, харьковчанин Н. Д. Шатунов формально перешел из купеческих сыновей в купцы только после смерти отца (1869 г.) в возрасте 34 лет. Причем к этому времени он не только был женат (в семье ожидали второго ребенка), возглавлял собственное коммерческое предприятие, но и занимал пост городского головы¹². В итоге типичный самостоятельный купец — это мужчина среднего и даже пожилого возраста. Так, в Харькове доля женщин во главе купеческих семейств всегда была относительно небольшой, хотя закон не устанавливал для них никаких особых ограничений (1864 г. — 13 из 266 (4,9 %), 1870 г. — 16 из 248 (6,5 %), 1905 г. — 18 из 349 (5,2 %) постоянных купцов). Средний возраст харьковских купцов на протяжении исследуемого периода также практически не менялся (1864 г. — 49,8 года, 1905 г. — 50,2 года)¹³.

В силу традиционно семейственного характера купеческого предпринимательства младшие члены семей воспринимались как «продолжение» своих

старших родственников и в общественной деятельности. Так, деятельность купца Диомида Адриановича Жукова на посту гласного Харьковской городской думы (1887–1893, 1898–1901 гг.) продолжили три его сына: Иван (1898–1901), Михаил (1902–1912) и Василий (1914–1917). Последнему от отца и братьев досталась такая семейная репутация, что на выборах его кандидатуру поддержали все основные городские партии. В итоге, еще не имея возможности проявить себя в работе, этот купец занял 5-е (!) место по числу поданных за него голосов избирателей¹⁴. Сын и компаньон харьковского купца Николая Алексеевича Жевержеева Сергей постепенно «унаследовал» от отца в общей сложности семь должностей в государственных, муниципальных и общественных учреждениях¹⁵.

Через органы сословного самоуправления, городские и земские думы и управы, биржевые комитеты, специальные правительственные комиссии и совещательные органы при министерствах и губернской администрации, участие в выборах в Государственную Думу и Государственный совет купечество Харьковской губернии, относившееся к числу привилегированных слоев провинциального общества, влияло на систему государственного управления на всех уровнях: местного самоуправления, региональной администрации и центральных органов власти, отстаивая прежде всего свои экономические интересы¹⁶.

Несмотря на существование целых купеческих династий, финансовое благополучие купца, прежде всего, зависело от личных качеств и деловой хватки. Обычной для представителей купеческого сословия была карьера: «лавочный мальчик» — приказчик — самостоятельный купец. Подобный путь прошли такие выдающиеся представители купечества Харьковщины, как В. И. Пащенко-Тряпкин¹⁷ и И. Г. Харитоненко¹⁸, принадлежавшие к числу крупнейших предпринимателей Российской империи.

О деловых нравах харьковских купцов свидетельствуют воспоминания И. С. Гаращенко, служившего у нескольких местных коммерсантов, торговавших кожей и кожаными изделиями. Его карьера началась в 1893 г. у купца М. Н. Булгакова. Условия работы были тяжелыми. Рабочий день продолжался от 12–13 часов зимой до 15 летом, а во время ярмарок доходил и до 18. Гаращенко с отвращением вспоминал «торговую “премудрость”», которую исповедовал купец М. Н. Булгаков: от работников требовалось «купить-облупить и продать-ободрать» да еще и так, «чтобы покупатель был доволен». В 1899 г. Гаращенко перешел на работу к более крупному торговцу — купцу В. В. Артюху. То, что у его предыдущего хозяина подавалось как «премудрость», этот торговец считал преступлением. Однако больше всего молодого приказчика поразило то, что теперь его стали называть по имени-отчеству. Переход на работу в крупнейшую в своей отрасли харьковскую фирму купца П. Ф. Васильева (1902 г.) познакомил Гаращенко с деловым миром всей Российской империи, и в 1906 г. он уже открыл собственное дело¹⁹.

Немалую роль в карьере купца играли удача и случай. Так, сын диакона Г. К. Пархоменко в 1850–1870-е гг. на службе у купца В. И. Пашенко-Тряпкина продвинулся от мальчика-работника до заведующего одним из отделов огромной московской фирмы, пользовавшейся большой популярностью на всем Юге России и имевшей прочные торговые связи с Кавказом, Сибирью, другими регионами страны. Однако его собственное дело, открытое в 1880 г. совместно с купцом П. А. Прокофьевым, просуществовало недолго, полностью разорив обоих компаньонов. Несмотря на это, Г. К. Пархоменко сохранил репутацию добросовестного и честного предпринимателя, а Пашенко-Тряпкин даже сделал его своим душеприказчиком²⁰.

Иногда финансовые неудачи купцов приводили к настоящим трагедиям. Наиболее резонансным стал знаменитый «крах харьковских банков» или «крах Алчевского» (1901 г.), который поставил печальную точку в деловой карьере не только самого А. К. Алчевского, но и целого ряда других крупнейших харьковских предпринимателей. Более того, эти события привели к серьезным изменениям в расстановке сил банковско-промышленной олигархии Российской империи²¹.

В 1905 г. Харьков всколыхнуло убийство хозяина писчебумажной фабрики купца 1-й гильдии Ш. Х. Цетлина. Последнюю точку в его жизни поставил почти 70-летний старик — бывший владелец когда-то популярной в городе типографии И. М. Варшавчик. Последний в начале 1900-х гг. совершенно запутался с делами: его долги достигли 32 тыс. руб. По соглашению с Цетлиным — его главным кредитором — типография была продана не более чем за 34,5 тыс. руб., хотя реальная оценка доходила до 60 тыс. руб. Бывший хозяин получил лишь небольшое содержание — 100 руб. в месяц, а небольшой остаток от покрытия долгов должен был пойти на обеспечение его жены и детей. Получив деньги за несколько месяцев, он уехал в Крым, но вскоре вернулся и стал требовать реальную цену за дело всей своей жизни. Услышав отказ, он совершенно потерял голову и застрелил своего заимодавца из револьвера²².

И все же подобные случаи являлись исключением. Многие купцы, достигшие преклонного возраста, передавали свои предприятия в управление наследникам (например, в 1906 г. потомственный почетный гражданин И. Е. Игнатищев оформил генеральную доверенность на имя своего сына М. И. Игнатищева²³) или просто ликвидировали свой бизнес и доживали век на проценты от вырученного капитала: в 1913 г., незадолго до смерти, так поступил харьковский купец Ф. П. Иванов, чья мебельная фабрика была широко известна на Юге России²⁴.

Ярким показателем уровня культурного развития мелкого купечества служит описанное в воспоминаниях И. С. Гаращенко поведение купца М. Н. Булгакова, когда тот застал его за чтением книг и газеты «Южный край». Необразованный купец просто избил своего служащего. Однако следующий хозяин

Гарашенко купец Артюх сам целые ночи проводил за чтением²⁵. Уже на рубеже XIX–XX вв. харьковское «образованное, солидное купечество»²⁶ было известно не только в Российской империи, но и за рубежом. При этом в остальных районах губернии значительное количество купцов имело начальное и даже «домашнее» образование. Так, в 1905 г. ахтырский купец Ф. П. Гопсienко не смог даже подписать свое имя²⁷.

Особо следует отметить участие купечества в торговле книгами, газетами и другой печатной продукцией, что в значительной степени способствовало развитию грамотности, распространению информации и знаний в различных областях. Так, харьковский 2-й гильдии купец Д. Т. Губенко в 1869 г. впервые начал распространять газеты не по подписке, а отдельными номерами²⁸. Чисто коммерческая идея на практике привела к тому, что важнейшее средство массовой информации стало намного доступнее для широкой общественности. Предпринимательская деятельность купцов охватывала и издательский бизнес. Так, сын купца А. А. Жмудский, владевший собственной типографией, в 1906–1916 гг. выпускал в Харькове газету «Утро», пользовавшуюся славой прогрессивного и даже радикального издания.

Иногда купцы сами брались за перо. Так, бухгалтеры крупных кредитно-финансовых учреждений Харькова купцы Н. В. Орлов и Н. С. Лысогоренко, каждый в свое время, написали исторические очерки своих предприятий²⁹. Естественно, особое внимание в них уделялось финансовой стороне вопроса. Благодаря накопленному опыту последний председатель правления Второго Харьковского общества взаимного кредита купец И. В. Семененко в 1912 г. опубликовал (а в следующем году переиздал) практическое руководство по организации и ведению дел в обществах взаимного кредита³⁰.

С точки зрения этических норм одним из наиболее противоречивых направлений предпринимательской деятельности является организация досуга. Например, харьковский купец Н. А. Жевержеев владел в городе несколькими ренсковыми погребями, где за стаканом вина можно было приятно провести время и обсудить насущные проблемы. С дореформенных времен винные погреба традиционно служили местом сбора гласных городской думы, представлявших интересы купеческого сословия. Во второй половине XIX в. именно в погребе Жевержеева, а не в зале думских заседаний решались многие важные вопросы управления городом³¹. В трактирах и кофейнях, а не на бирже часто заключались крупные сделки³². На так называемой «Вилле Жаткина» — развлекательном комплексе, организованном в начале XX в. другим харьковским купцом, появлялась далеко не лучшая публика. Не случайно, известный предприниматель Н. Ф. фон Дитмар назвал ее «рассадником цинизма и развратителем юношества». В то же время, в Малом театре, который также входил в состав «Виллы», играли многие известные труппы, выступал А. Н. Вертинский³³.

В сознании купца желание принести пользу обществу и прагматизм переплетались настолько, что иногда их невозможно было разделить. Так, в 1914 г. сумской 2-й гильдии купец В. Г. Литягин и академик архитектуры А. Н. Бекетов (несмотря на принадлежность к древнему дворянскому роду он поддерживал тесные контакты с купечеством и даже был зятем А. К. Алчевского) учредили «Акционерное общество Харьковского Большого театра». Главной целью предприятия являлось создание в губернском центре крупнейшего театра на 2400 мест, где могли выступать знаменитые столичные труппы (в том числе балетные). Организовывая компанию, учредители руководствовались поговоркой «мир — большой человек». По их мнению, относительно невысокая цена акций (200 руб.) давала возможность всем желающим вложить в дело свои деньги. В то же время, Литягин и Бекетов прекрасно понимали, что ежегодный доход от одной театральной деятельности составит не более 4–5 % от вложенных средств. Для увеличения прибыли предполагалось включить в состав театрального комплекса большой ресторан, подземный бильярдный зал с баром, несколько магазинов и два шестиэтажных «доходных дома». По предварительным расчетам общий ежегодный доход должен был составить 181 780 руб., в том числе от эксплуатации самого театрального зала всего лишь 36 тыс. руб. (менее 20 %). В этом случае дивиденд акционерам поднимался до 8 %. Уставный фонд компании составлял 1,5 млн. руб., однако учредители надеялись вскоре увеличить его по крайней мере вдвое. При этом Бекетов сохранил за собой эксклюзивное право на составление проекта, сметы, технический надзор за строительством и только на этом собирался заработать более 55 тыс. руб.³⁴

Даже купеческая благотворительность представляла собой как бы оборотную сторону успешного и изворотливого купеческого предпринимательства. Хотя по своей природе данное явление противоположно извлечению прибыли, по сути, это две части единого целого, которым в равной мере присущи внутренние противоречия. Филантропическая и культурно-просветительская деятельность служила не только важнейшим способом заявить о себе, но и мощнейшим инструментом влияния на общество. Денежное пожертвование являлось простейшим способом увековечить собственное имя, назвав создаваемое учреждение в свою честь. Важную роль играло и государственное стимулирование: именно за благотворительную деятельность правительство щедро осыпало купцов чинами и орденами.

Иногда пожертвование являлось прямым способом решить свои финансовые проблемы. Так, купец В. И. Пашенко-Тряпкин (ум. в 1894 г.), завещав харьковскому самоуправлению все свое огромное состояние (около 2 млн. руб.), не только избавил сына от необходимости распутывать колоссальные долги (в реальности полученный городом доход составил не более 600 тыс. руб.), но и не забыл обеспечить ему пожизненное содержание со стороны города³⁵.

Нередко за благотворительностью отчетливо прослеживалось выполнение функции социальной защиты представителей купеческого сословия, острая необходимость которой была обусловлена рисками предпринимательства. К примеру, призрение малоимущих и недееспособных представителей купечества считалось прямой обязанностью купеческой сословной организации. Помимо разовых и постоянных выплат со стороны купеческих обществ это выразилось в организации Вспомогательного общества Харьковского купеческого сословия (1894 г.), осуществлявшего взаимное социальное страхование участников³⁶, и Сумского Купеческого общества взаимного кредита (1899 г.), уставом которого было предусмотрено ежегодное отчисление не менее 20 % прибыли на благотворительность³⁷.

Прямая заинтересованность купцов в подготовке высококвалифицированных специалистов для своих фирм и предприятий как из собственных наследников, так и среди наемных служащих выразилась не только в выделении специальных стипендий, но и в том, что харьковское купеческое общество выступило учредителем Коммерческого училища императора Александра III (1893 г.), Торговых классов (1900 г.) и Высших коммерческих курсов (1912 г.), впоследствии (в 1916 г.) преобразованных в Коммерческий институт. Сумским купечеством в 1913 г. было основано Коммерческое училище³⁸.

Таким образом, хозяйственная деятельность не только являлась основным занятием, но и в значительной мере определяла другие сферы повседневной жизни провинциального купечества, являясь их неотъемлемой частью. Она накладывала свой отпечаток на общественно-политическую активность, культурное развитие, организацию досуга, семейные отношения, быт и менталитет купцов. В целом предпринимательская деятельность и ее этические нормы — явление очень многоплановое и неоднозначное. Как точно подметил еще в конце XIX в. харьковский купец А. К. Алчевский: «Хорошо известно, что наряду с Суэцем, облагодетельствовавшим человечество, есть и Панама, созданная руками одного и того же гениального Лессепса. Такова природа и судьба всех человеческих дел»³⁹.

П р и м е ч а н и я

¹ *Беликов Ю. А., Петров Ю. А.* Алчевский Алексей Кириллович // *Экономическая история России: С древнейших времен до 1917 г.*: Энцикл. в 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 81–83.

² *Кони А. Ф.* Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 1. М., 1966. С. 54.

³ Процесс о злоупотреблениях в Харьковском земельном и торговом банках. М., 1903. С. 820; *Беликов Ю. А.* Орлов Николай Васильевич // *Экономическая история России...* Т. 2. М., 2009. С. 162–163.

⁴ ГАХО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 195.

⁵ *Козлов А. Н.* Былая слава: (Родословная Харитоненко) // *Харьковский исторический альманах.* Вып. 4/5. Харьков, 2003. С. 70–76.

⁶ Процесс о злоупотреблениях... С. 532, 536, 570, 571, 582.

⁷ Беликов Ю. А. 1) Харитоненко // Экономическая история России... Т. 2. С. 1060–1062; 2) «Харитоненко с сыном» // Там же. С. 1062–1064.

⁸ Беликов Ю. А. 1) Династия Жевержеевых: Портр. двух поколений харьк. купечества II пол. XIX — нач. XX веков // Харьковский исторический альманах. 2007–2009. Харьков, 2010. С. 28–42; 2) «Жевержеев Н. А. и сын» // Экономическая история России... Т. 1. С. 760–761; 3) Жевержеевы // Там же. С. 761–762; 4) Купеческая династия Жевержеевых: Портр. двух поколений предпринимателей дореформ. Харькова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Харків, 2014. № 1134. Історія. Вип. 49. С. 18–39.

⁹ Беликов Ю. А. Велитченко // Экономическая история России... Т. 1. С. 350–352.

¹⁰ Беликов Ю. А. Игнатищевы // Там же. С. 864–865.

¹¹ ОР ГМИИ. Ф. 43. Оп. 2. Д. 17.

¹² ГАХО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 734. Л. 248, 253 об.; Беликов Ю. А. Шатунов Николай Дмитриевич // Экономическая история... Т. 2. С. 1160.

¹³ ГАХО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 538. Л. 10–21 об.; Д. 734. Л. 1–259; Оп. 6, т. 1. Д. 573.

¹⁴ Головки О. М. Харківське міське самоврядування у 1893–1917 роках: Дис. ... канд. іст. наук. Харків, 1997. С. 239; Петров Н. В. Материалы для истории Харьковской городской думы и городского хозяйства Харькова за 25 лет с 1871 по 1896 год. Т. 1. Харьков, 1896. С. 4; Известия Харьковской городской думы. 1914. № 5. С. 198–206.

¹⁵ Беликов Ю. А. Купеческая династия Жевержеевых. С. 18–39.

¹⁶ См.: Беликов Ю. А. Організація «спрощеного» купецького самоврядування: на матеріалах Харківської губернії (кінець XIX — початок XX ст.) // Південний архів: Зб. наукових праць. Іст. науки. Вип. 20. Херсон, 2005. С. 95–102; Беликов Ю. А. 1) Организация и деятельность Харьковской общей (купеческой) биржи (60-е годы XIX в. — 1917 г.) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2002. № 566. Історія. Вип. 34. С. 242–252; 2) Харьковская биржа // Экономическая история России... Т. 2. С. 1065–1066.

¹⁷ Багалей Д. И., Миллер Д. П. История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655-го по 1905-й год): Ист. моногр. Т. 2. Харьков, 1912. С. 171–172.

¹⁸ Беликов Ю. А. Харитоненко. С. 1060–1061.

¹⁹ Гаращенко І. С. Матеріали до історії Української автокефальної православної церкви: Зб. присвяч. 50-літтю відродження УАП церкви та світлій пам'яті автора. Нью-Йорк; Чикаго, 1975. С. 8–21.

²⁰ Харьковские губернские ведомости. 1907. 29 дек.

²¹ Петров Ю. А. Крах Алчевского и фирма Рябушинских // ОИ. 1995. № 4. С. 52–75; Процесс о злоупотреблениях...

²² Южный край. 1905. 22 сент.

²³ ГАХО. Ф. 3. Оп. 283. Д. 1093. Л. 7–8.

²⁴ Известия Харьковской городской думы. 1914. № 4. С. 225.

²⁵ Гаращенко І. С. Матеріали... С. 8–21.

²⁶ Коммерческая энциклопедия М. Ротшильда, в полной переделке сообразно потребностям русских предпринимателей и с добавлением 6 новых русских отделов: Настол. справ. кн. по всем отраслям коммерч. знаний. Т. 4. СПб., 1901. С. 446.

²⁷ ГАХО. Ф. 4. Оп. 147. Д. 402. Л. 2.

²⁸ Историческая хронология Харьковской губернии / Сост. К. П. Щелков. Харьков, 1882. С. 270.

²⁹ Орлов Н. В. Краткий очерк двадцатилетней деятельности Харьковского городского купеческого банка в период с 1866 по 1886 годы. Харьков, 1886; Лысогоренко Н. С. Обзор

XXV-летней деятельности Второго Харьковского общества взаимного кредита, 1871–1896. Харьков, 1896.

³⁰ Семененко И. В. Общества взаимного кредита, их значение и функции: Рук. к организации и ведению дел в о-вах взаим. кредита. 2-е изд. Харьков, 1913.

³¹ Южный край. 1913. 13 янв.; Беликов Ю. А. Костюрин Сергей Кондратьевич // Экономическая история России... Т. 1. С. 1080–1081.

³² Отчет Харьковского биржевого комитета за 1910 год. Харьков, 1911. С. 10–11.

³³ Эпштейн А. И., Куделко С. М. Харьковское купечество (1654–1917 гг.) // Харьков торговый. Харьков, 1999. С. 5–57.

³⁴ Устав Высочайше утвержденного «Акционерного общества Харьковского Большого театра»: С предисл. от учредителей, условиями передачи учредит. прав, строит. сметой, предположениями о возмож. доходности, эскиз. чертежами и поясн. запиской к чертежам. Сумы, 1914.

³⁵ Харьковские губернские ведомости. 1894. 19 мая, 3 июня, 17 дек.

³⁶ ГАХО. Ф. 4. Оп. 121. Д. 605.

³⁷ Там же. Оп. 128. Д. 605.

³⁸ Беликов Ю. А. Організація... С. 97.

³⁹ Алчевский А. К. Ответ на статью гр. Вл. Татищева «Наши частные земельные банки». [СПб.], 1894. С. 7. — После краха Всеобщей компании межокеанского канала (1889), слово «Панама» надолго стало синонимом грандиозной аферы.

Н. М. Ольшанская

В. И. ВЕРЕТЕННИКОВ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПОКРОВСКОЙ ЯРМАРКИ СТАНИЦЫ УРЮПИНСКОЙ ХОПЕРСКОГО ОКРУГА ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Станица Урюпинская (в настоящее время город Урюпинск Волгоградской области) принадлежит к числу старейших казачьих поселений на Хопре. Она была основана как сторожевой городок в 1618 г. Обосновавшись среди плодородных заливных лугов первоначально на правом берегу реки, в начале XVIII в. станица была перенесена на более высокий левый берег, так как ее территория часто подвергалась наводнениям¹.

К началу XIX в. станица Урюпинская, протянувшаяся вдоль старицы Хопра озера Подпесочного с севера на юг, ничего значительного собой не представляла. В. Д. Сухоруков в «Статистическом описании земли донских казаков» (1822–1832 гг.) отмечал, что «Урюпинская, с левой стороны Хопра, на возвышенности, водою не потопляемой; здесь одна только прямая и широкая улица, прочие все кривы и тесны, дома деревянные, но довольно опрятны; курных изб совсем почти нет»². До 40-х гг. XIX в. глобальных изменений в застройке не происходило — до тех пор, пока иногородние купцы всерьез не заинтересовались экономическими возможностями Покровской ярмарки, ставшей со временем самой значительной на юге России после Ни-